

Литвинов В.

Наш Евней, как Антей/ В.Литвинов // Индустриальная Караганда.- 2005.- 1 марта; 3 марта.

Для меня образцом в жизни, идеалом являются три казаха: поэт Сулейменов, художник Куюков и ученый Букетов.

Ученый и писатель Евней Букетов вызывает во мне безоговорочную симпатию и восхищение. Не говоря уже о его заслугах перед мировой наукой, достаточно было взгляда на его внешность: импозантная, величественная фигура, породистое лицо, умнейший добрый взгляд.

Мне не довелось встречаться с Евнеем Арстановичем (только осваивался тогда в Караганде после приезда с Алтая), не приходилось перечитывать его книг, но, общаясь с карагандинскими учеными - В. Малышевым, А. Акбердиным, И. Кириллосом, я словно дышу воздухом Букетова, приобщаюсь к его взглядам на жизнь. В своих публикациях (газета «Республика-2000» и альманах «Алтай», 2001 г.) ратовал даже за то, чтобы один из районов Караганды получил имя Букетова. Тот, например, где жил академик, где действуют «его» ХМИ и КарГУ.

Словом, одним из самых знаковых явлений в моей жизни считаю приобщение к памяти Евнея Арстановича.

В моей фонотеке хранится кассета под № 2 - «Слово о Евнее Букетове». (Программа «Земляки» под N 1 была, кстати, о Куюкове).

В ноябре 93-го года пришел ко мне профессор химии Иван Владимирович Кириллос и решительно заявил:

- Нельзя мириться, Владимир Иванович, с тем, что героем ваших «Земляков» до сих пор не стал Евней Арстанович Букетов!

- Но ведь он умер, а «Земляки» - о живущих карагандинцах, - возразил я, на что настойчивый профессор немедленно парировал:

- Академик Букетов долго еще будет жить в исследованиях его учеников-продолжателей! Наконец, ваша программа станет... передачей-мемориалом.

Две серии программы «Земляки» под общим названием «Слово о Евнее Букетове» вышли в эфир 7 и 14 декабря 1993 года, в дни 10-летия со дня смерти нашего выдающегося земляка.

Далее мне, вероятно, следует публицистическим языком передать читателю содержание «Слова...», подчеркнув наиболее значимые его места. Но я сделаю по-другому: почти полностью предложу вам стенограмму «Земляков» о Букетове, ибо это - документ 11-летней давности и, следовательно, к нему надо относиться бережно, с почтением. Итак, переводим звуки в буквы!

Автор: Больше всего я, наверное, боялся именно этой темы - слово о Евнее

Букетове. Почему? На мой непросвещенный взгляд, это самая крупная фигура в истории Карагандинской области. Почти четверть века работы ученого, руководителя ученых, писателя, просто гражданина описана и показана так широко и тщательно, что, конечно, даже схематично ее невозможно вместить в 25-минутную радиопрограмму. Шутка в деле: академик, профессор, автор сотен научных трудов, изобретатель, практик-руководитель, плюс писатель и переводчик выдающихся авторов - Шекспира, Золя, Маяковского!

Мой микрофон - в одном из зданий КарГУ, в музее Букетова. Напротив - плакат с автографом Евнея Арстановича и его словами: «Я не знаю, что будет после меня. Но если хоть одно зерно, посеянное мною, даст плоды, я буду считать себя счастливым человеком!».

Эту мысль я и хочу положить в основу нашей программы. А в разговоре примут участие младший брат академика, он же директор музея, Камзабай Арстанович Букетов, профессор Виталий Павлович Малышев, профессор Иван Владимирович Кирилос. Каждый из них в отдельности смело может быть певцом жизни Евнея Букетова.

Итак, что дали «зерна», посеянные писателем и академиком?

Кирилос: Он любил свой народ. Он так и говорил: «Мой народ». Он говорил: «Я - потомок скотоводов. Мой отец, дед, прадед - все были скотоводами. Я горжусь этим! Это люди труда!». А ведь он сам был ученым широчайшего профиля и ученым оставался в каждой области, будь то металлургия, химия. О литературе говорите? Он и там был исследователем. Переводчиком? Он и там подходил к делу как ученый. И еще: он сам учился всю жизнь, до последних дней, и очень строго относился к этому.

Малышев: Мне очень знаком этот кабинет. Приходилось много раз бывать здесь... Меня как-то поразили старые книжки на столе. Я взял, а это были книжки пушкинского «Современника». Оказалось, эти журналы находились у него в проработке. Он интереснейшие из них извлечения делал... И сейчас вашу тему «зерен» я воспринимаю, как будто Евней Арстанович одновременно был и зерном, и почвой, на которой взойдет это зерно. А главное, он был проводником... проводником культуры между прошлым и настоящим временем. Вспоминается гамлетовское: «Распалась связь времен». Мне кажется, с уходом Евнея Арстановича у нас тоже распалась связь времен. Мы стали слишком «современными» без него. Мы оторвались оттого, что связывает людей во времени и пространства И между собой. Об этом говорит маленькая деталь: книжки пушкинского «Современника» на столе современного ученого.

Автор: Эта деталь очень греет душу. Сейчас некоторые забияки начали отмахиваться от Пушкина. И если Евней Арстанович возвращался на полтора века назад и к сегодняшнему дню примерял прошлое, это большая наука нам.

К. Букетов: Если речь зашла о Пушкине... Я недавно в его архиве нашел переписку с известным алматинским критиком - сначала резкое такое письмо, потом - помягче. Оказывается, Евней Арстанович как-то написал статью «Пушкин и Маяковский». А журнал «Простор», где работал этот

критик, отделался отпиской. Евней Арстанович дал им решительный отпор. Это подчеркивает его характер, настойчивость.

Что касается его личной жизни, то вы видели, как его, где бы он ни был, облепляли маленькие дети. Там и племянники были, и родные дети, и соседские. Он любил детей. И любил своих родных. Он был советчиком в семье, он был нашим кумиром... Здесь, в музее, вывешена наша домашняя стенгазета, и в ней есть эпиграммы, шутки, написанные им. У кого какой характер, кому какие пожелания...

Автор: Леденящий душу факт: в 1995 году Евнею Арстановичу Букетову исполнилось бы 70 лет, а его уже больше десяти лет с нами нет. В 58 лет ушел из жизни нужнейший миру человек. Давайте обменяемся информацией, почему это случилось. Он проработал 12 лет директором ХМИ, затем был ректором КарГУ и вдруг - завлабораторией того самого ХМИ, где был директором. Почему? Что такое случилось с Букетовым? Помню, в 83-м году поднялся шум, и Букетов стал и плохим писателем, и не таким ученым...

Мальшев: Мне кажется, это были последние отголоски 30-х годов и первые симптомы сегодняшнего времени.

К. Букетов: Что получилось... Когда его освободили от должности ректора КарГУ, в официальных документах значилось - «по собственному заявлению». А дело было в том, что в Академии наук предстояли выборы президента. И хотя среди кандидатов на этот пост значился Евней Букетов, однако он сам об этом не заявлял, ни к кому по этому поводу не ходил. Однако кому-то понадобилось раздуть идею, что он всеми способами рвется к креслу президента Академии. Появилась та самая злобная статья в «Ленинской смене», что делами университета он не занимается, только пишет, пишет. И она стала толчком к его освобождению. Это, конечно, ускорило его смерть.

Автор: Я - к профессору Кириллосу. Иван Владимирович, вы всегда высказываетесь четко, мыслите остро, резко и оригинально. Как все происходило? (А вы в то время работали с Букетовым...)

Кириллос: Я всегда был его заместителем, мы были друзьями...

Автор: Не явилось ли волевое сбрасывание Букетова с постов причиной преждевременной его смерти? В 58 лет ушел молодой, крепкий человек!

Мальшев: Я, извините, помогу Ивану Владимировичу. Дело в том, что Евней Арстанович не был бы Букетовым, если бы не принимал близко к сердцу все, что происходит. А у него сердце начало болеть еще в 65-м году, насколько мне известно, и он частенько бывал в больницах. Это потому, что он все через сердце свое пропускал.

Кириллос: Я что хочу сказать. Стиль работы «номенклатуры» был такой, что шло назначенчество сверху. Даже на выборных должностях. И этот процесс не всегда сопровождался выдвижением умных, талантливых людей снизу. Он-то как раз поднимался снизу. Мы, его современники, его друзья, чувствовали и воспринимали его приоритет.

Мальшев: Его превосходство, в лучшем смысле этого слова!

Кириллос: И если мы это понимали, то в «номенклатуре» считали, что им

ни к чему такая конкуренция. Она им была не по нутру! Именно это было основным мотивом, по которому его не ввели в высшие эшелоны. Более того, его резко поставили на место. В низы! Хотя в науке он остался величиной высшего порядка не только в нашей области и республике - далеко за пределами! Выдающиеся ученые России и зарубежья признавали его авторитет.

Мальшев: Вас интересуют детали? Я даже сейчас разубался, когда вспомнил одну деталь. Мы по случаю его круглой даты сочиняли альбом, там были аппликации, и все такое... И ему больше всего понравилась вырезка: откуда-то сверху тянется рука с золотыми запонками и передвигает шахматную пешку. Он сразу узнал себя и заразительно смеялся.

Автор: К словам Ивана Владимировича о международном значении деяний академика я хочу добавить: труды Букетова использовались в США и Канаде, ФРГ, Финляндии, Швеции, Австралии и т.д. Еще вопрос к брату: когда случилось низвержение, как это переживал Евней Арстанович? Повлияло ли это на приближение...

К. Букетов: Очень даже повлияло! Хотя Евней Арстанович никогда никому это не говорил. Но здорово переживал... Когда встретились, он протянул мне руку: «Поздравь безработного академика!».

Автор: Какие же зерна, поскольку здесь два ученых - химик и металлург, какие научные плоды дали зерна, посеянные Букетовым?

Мальшев: Самый большой плод его, не в обиду сказано КарГУ, это - все-таки Химико-металлургический институт. Его родной, с которым он сросся. У нас, вы знаете, есть барельеф, подчеркивающий его имя и его вклад. Этот институт сейчас - базовый, и не только в Караганде. В Казахстане, скажем, он ответственен за черную металлургию, которой огромное внимание уделял Евней Арстанович Букетов. Могу, в частности, обратить внимание на вашу, Владимир Иванович, недавнюю программу «Земляки» о ферромарганце. За все эти дела он брался первым! И вот его плоды. Именно он почувствовал реалистичность и нужность этого дела.

И то, что мы сейчас видим, то, что сейчас в институте много докторов наук, это или прямые его ученики, или относящиеся к «школе Букетова». То есть самое главное сейчас при всей критической ситуации вокруг науки, наш ХМИ - и академический институт, и институт, входящий в национальный научный центр по комплексной переработке минерального сырья.

(На несколько секунд я «остановлю» пленку радиопрограммы «Земляки», чтобы добавить одну деталь к истории ХМИ и характеру Е.А. Букетова. Об этом просил меня один из птенцов гнезда Евнеева» - профессор Александр Абдуллоевич Акбердин.

«В те дни, когда травили Букетова, скидывали его со всех высот, нечто подобное делали и со мной. - рассказал Акбердин. - Чтобы убрать меня с должности завлабораторией чугуна, намеревались даже закрыть саму лабораторию. Мы с коллегами металась в поисках выхода. И вдруг приходит к нам Евней Арстанович и говорит:

- Как академик, я имею право без конкурса занять должность заведующего

лабораторией. Как смотришь, если я вместо тебя возглавлю лабораторию?

Так и случилось. Но не все тогда догадались, что, подставив себя, Евней Арстанович на самом деле спасал меня. Это еще один яркий пример того, что он был Человеком Поступка!»).

Удачный пример для разговора! Теперь можем дальше «крутить радио»).

Мальшев: Институт остается базовым, он не способен деградировать, потому что в нем заряд букетовской энергии, которую он передал ему. Несмотря на всю драматичность его жизни!

Кириллос: Причем надо подчеркнуть, что Евней Арстанович не только сформировал коллектив института; если о материальной базе говорить... то проектирование и строительство здания - это все на его плечах было.

А теперь второй «плод». Это строительство и открытие комплекса зданий университета... Нужно отдать должное: если зачинателем развития науки в Центральном Казахстане был президент-академик Сатпаев, а затем первый директор Химико-металлургического института Азербает, то Евней Арстанович очень много сделал конкретного в организации Центрально-Казахстанского отделения Академии наук. Сейчас оно объединяет несколько академических институтов и распространило свое влияние не только на Карагандинский регион, но и на Павлодарскую, Семипалатинскую области и - далее.

Автор: Камзабай Арстанович, а литературные «зерна» Букетова какие плоды дали?

К. Букетов: Прежде я хочу добавить к сказанному, что... ни в одном из построенных зданий ему не пришлось работать. Только закончил здание ХМИ, его перевели в университет. Только закончил здание университета на Юго-Востоке, надо было только в кабинет зайти, его освободили... После этого построил он маленькое здание лаборатории по извлечению из карагандинского угля жидкого топлива, моторного... Тоже не пришлось в лаборатории поработать - он ушел из жизни...

Что касается его литературных трудов, то я много этим делом занимался после его смерти... Набралось пять томов его сочинений и один том переводов. Все эти книги сейчас подготовлены к изданию. Одну книгу издали, «Шесть писем другу», вы хорошо знаете... А четыре книги так и лежат в издательстве «Жалын», в «Казахстане» и «Жазушы». То бумаги нет, то денег нет.

Автор: Денег нет, бумаги нет. А перспективы-то есть?

К. Букетов: Перспективы? Директора этих издательств не отказывают, так что вся перспектива в том, что придется пока подождать.

Автор: Я хотел бы участникам нашей беседы задать последний вопрос. Каков человек - Евней Арстанович Букетов, мы сказали. Каково его значение для науки и для жизни области, республики и далее, мы тоже сказали. А отдали ли мы должное его делам? Его памяти? Мемориальная доска на нашем ХМИ, имени Букетова - наш университет. Все ли?

Мальшев: Знаете, дело даже не в этом. Сейчас я удручен чисто прозаическими вещами: дом, в котором он жил, с протекающей крышей. Мы

не можем даже найти средств, чтобы крышу отремонтировать! О какой можно говорить памяти? Может, в этом наша бедность, может, непросвещенность спонсоров...

Автор: Я - за спонсоров. Но когда речь о национальном богатстве, то, на мой взгляд, заботиться об этом должно государство.

Мальшев: Не спорю. Но важно то, что он остался светлым пятном в памяти очень многих людей, и остается до сих пор, он незабываемый человек... Он прикоснулся к вечности и к бессмертию. Дай Бог другому человеку, чтоб такой след оставил в жизни! А что касается того, чтобы это закрепить, не растерять то, что мы знаем, этого, к сожалению, недостаточно. Этот упрек я могу и себе самому адресовать. Ведь все, что знаю, я до сих пор не зафиксировал. Что-то уже идет, но по-настоящему засесть за эту работу не получается.

Кириллос: Мы, друзья его и соратники, его образ и память о нем всегда носим в своем сердце, в своей душе. Но!.. Для того чтобы сохранить обществу Букетова, необходимо все-таки и государству, и этому обществу понести определенные материальные затраты.

К. Букетов: Я хочу добавить. Из тех принятых официальных документов, постановлений два пункта до сих пор не выполнены. Первое: упрек нужно сказать нашим городским властям. В 88-м году было принято постановление - одной из улиц на Юго-Востоке дать имя Букетова. И там даже срок был указан, когда будут вывешены таблички, до сих пор этого нет. На Бухаржырау нашли время, на Ермекова нашли, на Ерубаяева нашли, а на академика Букетова до сих пор ни денег, ни времени не хватает. И второй пункт. Есть постановление Правительства, когда имя Евнея Арстановича присваивалось КарГУ. Вторым пунктом было записано: на доме № 188 по ул. Фурманова в Алматы вывесить мемориальную доску. Этот пункт тоже до сих пор не выполнен.

Сейчас что сделано? В трех райцентрах - два в Северо-Казахстанской области, один в Павлодарской - имя Букетова присвоено самым центральным, хорошим улицам. У нас - университету, есть мемориальная доска на здании ХМИ, вот с помощью коллектива университета открыт музей Букетова, где мы с вами находимся. Работа здесь ведется большая и будет продолжаться.

Автор: Спасибо вам, товарищи, за Слово, которое прозвучало в адрес Евнея Арстановича Букетова. Я думаю, что этим Словом мы сказали ему еще раз наше общее спасибо. А сейчас в исполнении актера театра имени Станиславского Михаила Долиненко прозвучит глава из незаконченной повести Букетова об академике Сатпаеве...

7-14 декабря 1993 г.»

Интервью «с пылу, с жару»

Почти в том же составе, что в декабре 93-го года, собрались у меня спустя ровно одиннадцать лет участники той программы «Земляки». По семейным обстоятельствам не пришел лишь профессор И. Кириллос. Мы собрались,

чтобы разобраться, изменилось ли отношение к научному и литературному наследию Евнея Арстановича Букетова, и как намерена Караганда отметить приближающееся 80-летие своего знаменитого сына. Первым, естественно, заговорил хранитель музея брата-академика - Камзабай Арстанович:

К. Букетов: Все его труды, имеется в виду литературные, сейчас изданы. Но тираж - 200, 300, максимум 400 экземпляров. Изданы не как было обещано, в пяти томах, а в зависимости от того, как я находил деньги. Я не литератор, не историк, не филолог, я - строитель. Но не мог же я прийти к какому-нибудь специалисту и сказать: отредактируй! Надо платить деньги, а у меня денег нет, живу на пенсию.

Спасибо, помогает Виталий Павлович Малышев. На добровольных началах, но с удовольствием помогает во всех делах. Теперь: что делается на сегодня по научным трудам? Коллектив КарГУ имени Букетова взялся издать десяти томник его сочинений, или, как называли, «Собрание трудов академика Букетова». Первый том уже в типографии.

- Теперь они приведены в соответствие? И редактор, и корректор есть?

К. Букетов: Все есть. Один из главных редакторов сидит с нами - В. Малышев. Получилось 5 томов по науке и 5 томов по литературе. Всего получилось 15 томов, но 5 томов к изданию мы сократили. Это переводы из Ивана Вазова, Эмиля Золя, Василенко (детская повесть «Артемка»). Они были изданы 20-30-тысячными тиражами в Советском Союзе... поэтому мы их сейчас не стали издавать. Что из переводов не издано - Шекспир, Флетчер, Маяковский, Есенин - хороший том составило: 530 страниц!

Из науки с большой помощью Виталия Павловича издали книгу «Фундаментальные труды академика Букетова». Тиражом всего 200 экземпляров – на столько я насобирал денег...

Что касается увековечения памяти Евнея... В Алматы на улице Фурманова мемориальная доска появилась. Где-то в 2000 году повесили. Она такая скромненькая, доска, маленькая. У нас в музее фотография есть. Кстати, звание его, регалии на этой доске я вынужден был сократить. Я за свои личные деньги сделал эту доску здесь. И для того, чтобы повесить ее на фасаде дома, понадобилось распоряжение акима Алматы Храпунова. Я год добивался, чтобы это распоряжение было дано! Слава Богу, он документ подписал, и я поехал, и там мы повесили, и небольшое торжество провели. Байкен Ашимов, бывший премьер республики, присутствовал, деятели науки из Алматы присутствовали.

- А как с улицей на Юго-Востоке в Караганде?

К. Букетов: Еоть улица такая. Она состоит из шести домов. Табличек, правда, нету. Моя дочь работает начальником почты города. Она нашла деньги и издала перечень отделений связи с перечислением улиц, относящихся к ним. Их, кажется, 74. Но улицы Букетова ни за одним не числится.

Теперь что я делаю? Написал письмо акиму области. Виталий Павлович его отредактировал, я собрал подписи самых видных людей Караганды: С. Досмагамбетова, К. Аманбаева, М. Имашева, А. Сагинова, З. Мулдахметова и

других гигантов наших - и направил это письмо. Но вопрос пока не решен. А о том, что сейчас делается к 80-летнему юбилею Евнея Арстановича, было сказано в «Индустриальной Караганде». Из намеченных мероприятий выполняется пока два - выпуск книг и ремонт музея. Причем оба дела делает коллектив университета, дай им Бог здоровья!

- Давайте Виталия Павловича послушаем. У него есть что добавить.

Мальшев: Говоря об увековечении, надо обязательно сказать о книгах, которые написал Камзабай Арстанович. Это «Брат мой, друг мой» и «Дорога к истине», а также о множестве его публикаций в газетах. Там все есть - и известные факты, и самые сокровенные истории семьи Букетовых, откуда и как пошел в большую науку казахский мальчик Евней. Там можно найти ответ на вопрос, как он получился таким монументальным, выйдя из простой семьи скотоводов. Евней Арстанович в своих книгах это-го касался, но у него показ более глобальный, у Камзабая Арстановича - более детальный.

Знаете, у меня частенько сравнения возник: братья Карамазовы, братья Букетовы... Братья состоялись потому также, что Евней Арстанович не оторвался от близких, а после его ухода из жизни младший брат Камзабай всего себя отдал сохранению памяти старшего брата.

Теперь второе. В перечне регалий Евнея Арстановича вы, Владимир Иванович, не упомянули, что он лауреат Госпремии СССР.

- Это вы не упомянули! Я и не знал этого.

Мальшев: В то время получить звание лауреата Государственной премии СССР было великое дело! Я в последнем номере журнала «Цветные металлы», посвященном 75-летию института «Гипроцветмет», прочитал. Это московский институт, который проектировал все предприятия цветной металлургии СССР. И там говорится, что среди наиболее существенных работ, которые были спроектированы институтом, был тот проект, за который была дана Госпремия; то есть - прямая переработка балхашских концентратов в конвертере, которая на 20 процентов увеличила выпуск меди. Там еще шесть-семь названий.

Профессионалам-металлургам понятно, что это была эпоха, определившая технический прогресс Советского Союза. И в этой работе непосредственно участвовал Евней Арстанович Букетов. Это уже признание и - абсолютно объективное!

- Причем, с каким промежутком времени!

Мальшев: Да, почти 20 лет! Там еще идет исторический обзор страниц на 15, юбилейный отчет, и идет перечень стран, в которых внедрялась эта технология - от Индии до Чили!

И раз я о премии заговорил, то за время, прошедшее с кончины Евнея Арстановича, наш Химико-металлургический институт дважды получил Государственную премию Казахстана. У нас сейчас работают шесть лауреатов Госпремии республики, 5 из них - его ученики. И при каждом присуждении говорилось, что застрельщиком таких работ был академик Букетов.

При жизни Евнея Арстановича не удалось придать полный статус нашему

институту. Каждый академический институт должен иметь диссертационный совет. Наши ученые защищались постоянно, но в разных городах, начиная от Алма-Аты до Ленинграда и Москвы, от Москвы до Тбилиси. Этот совет, сначала только с правом защиты кандидатских диссертаций, а в последние 6-7 лет и по защите докторских в области черной и цветной металлургии, у нас действует.

И что особенно дорого, нам разрешена специальность «Теория металлургических процессов». Это то, где Евней Арстанович свободно ориентировался и имел большие планы. И это своеобразный ему памятник, потому что возможность защиты диссертаций - это уже работа школы. Научной школы! И можно сказать, что Евней Арстанович - глава научной школы ученых в Караганде, металлургов и химиков.

- Такой вопрос: вот есть гигантская фигура ученого. Была ли бы такая память о нем, если бы не было пробойного брата? Было ли бы все, что мы перечислили, во имя памяти Евнея Букетова, если бы не было Камзабая?

Мальшев: В науке допустимы мысленные эксперименты. Они признаются заслуживающими право быть. Что тут говорить? Камзабай Арстанович, если говорить языком химика, это катализатор, тот, кто ускоряет процесс. Без него бы все это замедлилось, затянулось, может быть, кое-что и не успелось бы. Однако если бы Камзабай Арстанович не чувствовал, что это не только ему одному надо. Но он же знает, что это надо многим, это народу надо! И в этом смысле он ускоряет процесс. Ускоряет то, что должно быть во имя исторической справедливости.

К. Букетов: Что касается школы... Под его руководством вошло в науку 60 кандидатов - металлургов и химиков. Из шестидесяти кандидатов 52 защитились еще при его жизни. Из этих кандидатов выросло 24 доктора наук, трое - еще при жизни Евнея.

Еще вот такая деталь о характере брата. После его смерти я нашел его переписку. 97 адресатов во всех концах СССР и мира! И на всех заведены карточки с указанием: Ф.И.О. его самого, имя-отчество жены, имена детей, точный адрес, номер телефона - все это я нашел, а потом этим людям начал писать письма. Взял на почте (тогда стоимость была шесть копеек) пачку конвертов, сто штук, и давай им писать. А они мне начали ответы давать. Из них, кажется, 78 дали ответы. Воспоминания свои. И это я собрал - у казахов по-казахски, у русских по-русски - и две книги издал.

- Виталий Павлович, спустя год после той программы «Земляки» вы мне подарили книжку «Поступью командора и пророка». Это и есть та работа, которую вы делали во имя Букетова?

Мальшев: Да! В конце этой брошюры я указал дату начала и дату завершения. Эта небольшая книжка долго и трудно получалась у меня - 10 лет.

Когда пишешь о человеке, который по уровню выше тебя, а об этом мы говорили, чувствуешь его превосходство - всегда опасаясь за то, чтобы не приземлить его на свой уровень...